

О БОЕВОЙ ТАКТИКЕ И ВОЕННОМ МЕНТАЛИТЕТЕ КОРЯКОВ, ЧУКЧЕЙ И ЭСКИМОСОВ

Военное дело народов крайнего северо-востока Азии давно привлекает внимание этнографов и историков. Благодаря исследованиям В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, И. С. Вдовина и особенно В. В. Антроповой и А. К. Нефедкина обстоятельно изучены вооружение, оборонительные сооружения, военная организация, воспитание и подготовка воинов, тактика ведения боевых действий [1; 3; 5; 6; 8; 18; 27]. Это во многом помогает объяснить тот факт, что чукчи, азиатские эскимосы и коряки на протяжении весьма длительного времени, с середины XVII в. до 1770-х гг., смогли оказывать упорное сопротивление русской власти. Однако изучение лишь собственно военного дела, преимущественно его «тактико-технической» стороны, не позволяет понять, почему названные народы в ходе открытых вооруженных столкновений с русскими (полевых и осадно-оборонительных сражений) обычно терпели поражения и вдобавок несли весьма значительные потери. Победы же они одерживали в основном в результате тайных и внезапных нападений на малочисленные группы русских.

Ход и исход конкретных сражений в небольшой степени предопределялись преимуществом русской стороны в вооружении, в первую очередь в наличии огнестрельного оружия, качество которого со временем улучшалось (в XVIII в. на смену тяжелым пищалям с замково-фитильной системой пришли более легкие фузеи с ударно-кремниевым замком). Эффективность применения «огненного боя» повышалась пропорционально численности русского отряда, участво-

вавшего в сражении, и благодаря правильной организации самой стрельбы (стрельба плутонгами). Русские обладали и более качественными металлическими защитными доспехами и холодным оружием по сравнению с аналогичным вооружением аборигенов, изготовленным из кожи, кости, дерева, камня и китового уса (в XVIII в. изредка из железа). Согласно чукотским преданиям, появление русских, имевших металлические доспехи и оружие, произвело на чукчей ошеломляющее впечатление. В одном из таких преданий – «Времен войны весть» – говорится: «Когда в первый раз сошлись на битву таньги (враги, т. е. русские. – А. З.) и чукчи, стали строем друг против друга. Сильно испугались наши, ибо таньги совсем невиданные, торчат у них усища как у моржей, копыя длиною по локтю, так широки, что затмевают солнце; глаза железные, круглые, вся одежда железная. Копают концом копыя землю, как драчливые быки, вызывают на бой. Сидят все (чукчи. – А. З.), опустив голову, боятся» [2. С. 334]. Другое предание сообщает: «Пришли два начальника и привели много людей. Первый пришел Митрей в Анадырской стороне, весь он был одет железом: железная рубашка на теле, железная шапка на голове, железные руки висели по бокам. Весь он был обвешан ножами и ружьями. <...> Пришел русский начальник Якунин, тоже весь одетый в железо, и привел с собой казаков. У наших были только костяные ножи и топорики из оленьего рога и они не могли устоять против людей, одетых в железо» [Там же. С. 389]. Важным было и то, что русские доспехи по своей конструкции

(пластинчатые кюяки и кольчуги) были приспособлены для ведения рукопашного боя, в отличие от громоздких и неудобных чукотских и корякских «кюяков».

Преимущество русских в вооружении не являлось, однако, единственным и определяющим фактором их побед и соответственно поражений «иноземцев». Огнестрельное оружие XVII–XVIII вв. имело низкую скорострельность, его применение ограничивалось погодными условиями, владение им требовало определенных навыков, которыми из-за отсутствия соответствующего обучения обладали не все военнослужащие (казаки и солдаты). Ощущался недостаток как самого оружия, так и боеприпасов к нему. Из-за техники заряжания это оружие в ближнем бою становилось почти бесполезным, в лучшем случае его можно было использовать в качестве дубины. По этим причинам русские применяли в ближнем бою холодное оружие (копья, ножи, иногда палаши и шпаги), а в дистанционном – лук и стрелы. Сами «иноземцы», «вызнав русские порядки», пытались совершенствовать свою тактику: шли в атаку в тот момент, когда русские перезаряжали ружья, нападали в плохую погоду. Как отмечалось в одном документе 1753 г., «а случаются де от тех изменников атаки и набеги в самое дождливое погосье, чтоб действия огненнаго ружья не было» [24. С. 89–90].

В целом есть основания говорить, что в конкретных сражениях преимущество русской стороны в вооружении уравнивалось большей, подчас значительно, численностью чукотских (и эскимосских) или корякских воинов, их знанием плацдарма боевых действий, полной адаптированностью к местным условиям, умением возводить временные (полевые) и стационарные укрепления. Их вооружение хотя и уступало русскому, но было все же весьма основательным (копья, ножи, чекуши, луки со стрелами, пращи, доспехи – кюяки и шлемы). Кроме того, по оценке самих казаков, чукчи, эскимосы и коряки были «воисты и боем жестоки». У них существовала даже специальная подготовка воинов (тогда как у русской стороны этого не было вовсе). Названные обстоятельства приводят к мысли, что при выяснении причин побед / поражений русских и аборигенов необходимо принимать в расчет не только соотношение их вооружения и военного искус-

ства, но и другие факторы, влиявшие на ход и результат вооруженных столкновений.

Среди таких факторов важнейшим является военный менталитет (*war mentality*) – комплекс ментальных установок и стереотипов поведения «человека воюющего», который, в свою очередь, определяется духовными ценностями и представлениями, традициями и обычаями того общества, членом которого является человек, участвующий в военных действиях [34. С. 10, 12]. Положительный опыт исследования военного менталитета в рамках междисциплинарных подходов имеется в зарубежной и отчасти в отечественной военной антропологии, особенно на материалах первобытных обществ (см., например: [33; 38; 39]). Опираясь на выработанную данным научным направлением методику исследования, попытаемся выяснить ряд основных стереотипов поведения коряков, чукчей и азиатских эскимосов на поле боя.

Сделать это позволяют многочисленные описания русско-аборигенных сражений, зафиксированные в письменных документах (донесениях участников военных действий, командиров русских отрядов и гарнизонов в вышестоящие инстанции)¹, а также данные «военно-исторического» фольклора чукчей, эскимосов и коряков [2; 20; 25; 30; 35]. Поскольку в источниках не содержится прямых указаний на психологический настрой и стереотип поведения воинов в бою, свой анализ и выводы мы будем основывать главным образом на интерпретации тактики ведения боя противоборствующими сторонами.

В войне с русскими коряки действовали разобщенно. Каждая их территориальная группа (алюторы, паланцы, паренцы и др.), иногда даже каждое поселение (у береговых оседлых коряков) или стойбище (у кочевников-оленевонов) вступали «на тропу войны» самостоятельно, и лишь изредка возникали объединения ряда территориальных групп. По этой причине численность корякских от-

¹ Эти источники извлечены нами из фондов РГАДА и РГВИА. Часть их опубликована в следующих изданиях: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1847–1869. Т. 2–11; Сенатский архив. СПб., 1889–1907. Т. 2–12; Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1; 1885. Кн. 2; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. материалов. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935.

рядов была невелика – обычно несколько десятков, в случае объединения – 150–300 воинов (лишь в 1714 г. в обороне алюторского Большого посада участвовало до 700 человек). Основным тактическим приемом коряков в войне с русскими было внезапное нападение. Если неожиданность была полной, то она, как правило, обеспечивала победу. Чукчи и их союзники-эскимосы во время активных военных действий против русских (в начале 1700-х и начале 1730-х гг.) создавали «всенародное ополчение» численностью до 1–2 тыс. воинов. Такие ополчения на первых порах вступали в открытый фронтальный бой с казаками. Однако, потерпев в 1731 г. три крупных поражения от экспедиции Д. И. Павлущего, чукчи и эскимосы стали предпочитать внезапные нападения, а их боевые отряды насчитывали уже несколько сотен воинов. Заметим, что тактику внезапных нападений названные народы успешно практиковали и в вооруженных столкновениях друг с другом.

Если внезапное нападение перерастало в открытое фронтальное сражение, или последнее имело место само по себе, чукчи, эскимосы и коряки начинали его с «огневой подготовки» – стрельбой из луков и пращей. Данные фольклора свидетельствуют, что такой дистанционный бой воины могли вести длительное время, прежде чем перейти к рукопашной схватке [27. С. 167]. Но применяя эту тактику, аборигены в столкновениях с русскими оказывались в невыгодном положении, поскольку противник получал время для сооружения защиты из подручных средств (санок, нарт, байдар, лыж, валежника и даже туш убитых оленей) и возможность использовать преимущество огнестрельного оружия. Обстрел же из луков не наносил русским ощутимого вреда, поскольку эффективность применения «лучного боя» была невысокой. очевидцы свидетельствовали, что чукчи, хотя «из луков стрелять проворны» (1756 г.)², не очень умело ими пользовались: «стреляют из луков и бросают камни, но не очень искусно» (1732 г.) [32. С. 30–31]; «из луков хотя и стреляют, токмо не весьма искусно, да и стрелы плохи» (1740 г.) [22. С. 162]; «что касается стрел и лука, то... ловкостью попадания они

не обладают, так как почти не упражняются в этом, а довольствуются тем, как выйдет» (конец XVIII в.) [41. С. 114]; «хотя вооружаются луком и стрелами, но худо ими действуют» (1823 г.) [19. С. 97]; «чукчи вооружаются луками и стрелами, но не очень ловко ими владеют» (начало 1820-х гг.) [10. С. 313]. А. К. Нефедкин также констатировал, что в целом чукчи «не очень хорошо стреляли из лука» [27. С. 93–95]. О качестве корякской стрельбы из лука подобных отрицательных оценок мы не встречали, но вряд ли оно было лучше чукотского.

В связи с этим обратим внимание на то, что в открытых сражениях русские несли незначительные потери, которые редко превышали цифру в 5–10 человек за один бой (при численности отряда в несколько десятков и даже сотен бойцов)³. Было немало сражений, когда русские вообще не имели потерь. Количество раненых также было невелико, причем преобладали ранения конечностей, неприкрытых доспехами. Отметим и тот факт, что число убитых и раненых напрямую зависело от численности отряда: чем он был больше, тем меньше нес потерь. Вышесказанное позволяет утверждать, что чукотские и корякские стрелы не могли пробить доспехи и, видимо, не только металлические и костяные, но даже кожаные. Более эффективной по сравнению с луком была праща. Выпущенный из нее камень обладал значительной пробивной силой. И владели ей чукчи и коряки, особенно оседлые, искуснее, чем луком. Как отмечалось в одном документе, «и то у них (чукчей. – А. З.) наилучшей бой копьями и камнем» (1740 г.) [22. С. 162] (см. также: [27. С. 95, 96]). Однако в полевых сражениях, как видно из их описаний, «пращной бой» применялся редко⁴, он использовался в основном при обороне укреплений.

Русские, со своей стороны, также предпочитали вести бой на дальней дистанции, оттягивая рукопашную схватку и стремясь своей стрельбой из огнестрельного оружия нанести противнику максимальный урон (К такому же

³ Лишь при внезапном нападении, когда русские подвергались разгрому, потери могли достигнуть 30–60 человек за один бой.

⁴ Г. Ф. Миллер на основании сообщений казаков отмечал: «Чукчи бьют камнем из шибалок, и в том весьма искусны, однако на войне употребляют по большей части луки да стрелы» [26. С. 199].

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1558. Л. 30.

выводу пришел А. К. Нефедкин: [27. С. 239]). Эту тактику они применяли и при осаде неприятельских укреплений [17]. «Куяки костяные и лахташные», «из китовых усов» и деревянных дощечек служили аборигенам слабой защитой от русских пуль. По утверждению капрала Г. Шейкина, служившего в Анадырске в 1750-х гг., «русская галанка или солдатская фузея пробивает все их куяки или панцири» (цит. по: [27. С. 71]). Поэтому неудивительно, что в сражениях, где активно шла перестрелка, «иноземцы» несли большие потери – до нескольких сотен убитых, как например, в упомянутых трех сражениях чукчей и эскимосов в 1731 г. с командой Д. Павлуцкого [13]. Да и не все чукотские, эскимосские и корякские воины имели доспехи. К тому же во время боя, видимо, непосредственно перед рукопашной схваткой, требующей быстроты маневра, воины могли снять тяжелые и неудобные доспехи. Г. А. Сарычев, наблюдавший чукчей в походе в конце XVIII в., отметил следующее: «Некоторые из чукчей, и то редкие, употребляют латы, надевая их на себя при нападении на неприятеля... Чукчи признавались, что сии латы при нападении на неприятеля неудобны и мешают свободно действовать и только полезны могут быть убегающему от неприятельских стрел; а потому все храбрые чукчи почитают за стыд их иметь, как явный знак трусости» [31. С. 267] (см. также: [1. С. 220])⁵.

⁵ А. К. Нефедкин утверждал, что «азиатские эскимосы и чукчи... сражались в доспехах» и «воин оставался в доспехе, сражаясь в рукопашной схватке копьем». В доказательство он привел изображения воинов на моржовых клыках, которые фехтуют на копьях и стреляют из луков в доспехах, а также указал на то, «враги не дали бы своим противникам времени сбросить доспехи в бой». Кроме того, чукчи проходили даже специальный тренинг, чтобы сражаться в панцирях. Без доспехов в бой вступала только «самонадеянная молодежь» [27. С. 72, 165, 166]. Эти аргументы, однако, можно оспорить. По утверждению самого же А. К. Нефедкина, основным назначением доспеха была защита воина от стрел и других снарядов, для ближнего боя тяжелые длинные (долгополые) панцири, имеющие к тому же крылья, были «неудобны» [Там же. С. 70–72, 168]. Кроме того, приведенное наблюдение Г. А. Сарычева подтверждается и более ранними свидетельствами. Так, Д. Павлуцкий, описывая сражения 1731 г., сообщал, что «у неприятеля ж были куяки железные и лахташные» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 1. Д. 17. Л. 4), однако позже, давая отчет о походе 1744 г., он констатировал, что у чукчей «куяков желез-

Предпочтение, отдаваемое противоборствующими сторонами дистанционному бою, приводило к тому, что открытые сражения, как видно из их описаний, были не скоротечными, а затяжными, недлимыми по несколько часов, по свидетельствам русской стороны, «с утра во весь день до заката солнца», «с полудня до самого вечера», «например часа с четыре», «бились день и ночь». Если в результате перестрелки ни одна из сторон не отступала, то дело доходило до рукопашной схватки. К сожалению, сообщения источников об этой фазе боя очень скупы, чтобы сделать ее точную реконструкцию. Однако косвенные данные (длительность боя, соотношение сил противоборствующих сторон, малое число убитых и раненных среди русских, преимущественно их победы) позволяют предположить, что рукопашная схватка редко представляла собой массовое фронтальное столкновение. Скорее всего аборигены нападали небольшими группами. Свидетельство о применении такой тактики коряками мы находим в предании об обороне алюторского Большого посада в 1714 г. В нем говорится, что когда казаки осадили «посад», предводитель коряков Кымманяк «сказал своим воинам: “Начнем сражаться, каждая группа родственников самостоятельно”. Пошла первая группа – оказалась разбитой, пошла вторая – то же. Наконец, пошла третья группа родственников – она оказалась также разбитой. *Впервые* Кымманяку сказал: “Нападем все вместе!” Пошли и были разбиты» [7. С. 19] (курсив наш. – А. З.).

В межплеменных столкновениях у чукчей, эскимосов и коряков, судя по данным

ных и лахташных не было» (Там же. Ч. 2. Д. 3. Л. 16–16 об.). В сражении 1775 г. под Гижигинском, по сообщению Н. Дауркина, «как уже началась стрельба, те чукчи, надев куяки, разошлись по крыльям <...> уже наша команда наступила на них, чукок, сажень на семь, которые чукчи, скочив, бросили куяки и луки, побежали...» (Там же. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 42. Л. 20 об.). Значит, доспех можно было достаточно быстро как одеть, так и снять. Мы полагаем, что у чукчей и эскимосов, а также коряков доспехи использовались преимущественно для дистанционного боя и поединков «богатырей». Поэтому, кстати, и А. К. Нефедкин для доказательства своего тезиса об использовании доспехов в ближнем бою ссылается в основном на фольклорные материалы, в которых речь как раз идет о единоборствах или бое одного-двух богатырей с сонмищем врагов, и изображения на моржовых клыках, которые являются не чем иным, как иллюстрациями к тому же фольклору.

фольклора, нормой ведения открытого боя являлось не массовое сражение, а серия индивидуальных поединков и даже единоборство богатырей. Как правило, результат единоборства решал исход не только конкретного сражения, но и войны в целом [1. С. 157, 232; 18. С. 103; 27. С. 168, 172; 36. С. 52–54]. Важно отметить, что военные действия против русских, по крайней мере в чукотском фольклоре, также изображаются как поединки богатырей. В ряде преданий чукчей исход их войны с русскими (причем в пользу чукчей) решило единоборство чукотского богатыря с русским предводителем – Якунин'ым (Д. И. Павлуцким) [2. С. 92–94, 331–334, 390; 3. С. 171–173]. В сказе «Лявтылевал» чукча Лявтылевал в одиночку победил русских, которые пришли из-за Колымы: «Из лука стрелял, на копьях стражался. Много врагов убил. Испугались враги, убежали» [35. С. 310–311]. Поединок богатырей как кульминация русско-чукотского противоборства фигурирует и в фольклорном изобразительном искусстве чукчей. Ю. А. Широков отмечал, что изображение сражений с русскими стало одним из излюбленных сюжетов рисунков, гравированных чукотскими художниками-косторезами на моржовых клыках. Причем среди чукотского и русского войск всегда изображались по одному самому большому воину, под которыми несомненно подразумевались богатыри, вступающие в единоборство [37. С. 89].

Единоборство существовало не только у обитателей северо-восточной Азии. Данный способ ведения боя в открытых сражениях был в принципе характерен для народов, находившихся на так называемой «первобытной» стадии социального развития. Особо подчеркнем, что речь идет не о единоборстве в чистом виде (поединке двух богатырей), а о том, что в открытых сражениях враждующие стороны, нередко по договоренности, выставляли равное число воинов и при этом придерживались определенных правил ведения боя. Последний представлял собой серию индивидуальных поединков, причем, когда число жертв достигало определенной, иногда даже заранее оговоренной, величины, противники могли прекратить кровопролитие [39. С. 79, 85–86, 106, 129, 156; 11. С. 129–130]. В. Г. Богораз, лично изучавший образ жизни чукчей, указывал, что у них в

некоторых случаях нападающая сторона открыто вызывала врага на битву и приглашала противников выступить в равном количестве [3. С. 167]. Подтверждение подобному «рыцарскому» поведению мы опять же находим в изобразительном искусстве, фиксирующем фольклор. Так, один из чукотских рисунков изображает следующую картину: на стойбище нападают враги, в отсутствии мужа на его защиту выходит жена, она вступает в поединок с предводителем нападавших, за единоборством, не вмешиваясь в него, со стороны наблюдают четверо воинов-врагов [1. С. 42; 27. С. 38, 39, 172]. Другой, эскимосский, рисунок запечатлел сцену боя лучников: художник, надо полагать, отражая традиционные нормы ведения боя, изобразил с противоборствующих сторон примерно равное число не только воинов, но также убитых и раненых [27. С. 161].

Вышесказанное наводит на мысль, что и в открытых вооруженных столкновениях с русскими коряки, чукчи и эскимосы выставляли непосредственно для рукопашной схватки то количество воинов, которое примерно соответствовало численности противника. Если признать данное предположение верным, тогда станет понятно, почему русские одерживали победы, будучи даже в значительном меньшинстве. Ведь в индивидуальных поединках казаки и солдаты имели преимущество в вооружении. В чукотских преданиях при описании гибели командиров русских отрядов – А. Шестакова и Д. Павлуцкого – внимание не зря акцентируется на том факте, что убить или ранить их удалось только после того, как у них открылись места, незащищенные доспехами. Эффективность применения русскими холодного оружия в ближнем бою повышалась благодаря частичному или полному отсутствию у противника защитного вооружения. Но даже если последнее не снималось перед рукопашной схваткой, оно в силу своей громоздкости снижало подвижность воина-аборигена, что опять же делало его уязвимым.

Однако абсолютизировать тактику единоборства не следует. Она не применялась при внезапных атаках и тайных нападениях, когда аборигены наваливались всей массой. Но в таких случаях и русские не успевали облачиться в доспехи, становясь легкой мишенью для неприятельских стрел и копей. Изредка к

фронтальной массовой атаке, даже без предварительного «лучного боя», «иноземцы» прибегали и в открытых полевых сражениях. Таким способом чукчам дважды удалось разгромить, правда небольшие, русские отряды: в 1730 г. – А. Шестакова, в 1747 г. – Д. Павлуцкого. Причем оба сражения развивались по схожему сценарию: русские не имели опорного полевого укрепления, чукчи бросились в атаку почти сразу, не тратя время на «огневую подготовку», вследствие чего русские после первого залпа не успели перезарядить ружья и были буквально смяты превосходящими силами противника [14. С. 62–63; 16. С. 219–221].

Исход сражения в немалой степени определялся и неспособностью «иноземцев» к ведению затяжного (позиционного) осадно-оборонительного боя. Описания многочисленных вооруженных столкновений показывают, что коряки, чукчи и эскимосы не были готовы к затяжным осадным боям⁶, что опять же являлось стереотипом военного менталитета «первобытных» народов. Р. Коллинз по этому поводу заметил: «Простые племенные общества обычно не способны к долговременному групповому бою» [21. С. 41]. Если русские выдерживали первый натиск и занимали оборону, напор атакующих ослабевал, они не знали, что предпринять, и, продержав какое-то время противника в осаде, или отступали сами, или давали ему возможность уйти. Как писал камчатский приказчик В. Савостьянов по поводу одного боя с аляуторами в 1711 г., «и видя те иноземцы от служилых людей к себе жестокой и усердной бой, пометались в байдары и угребли на море» [28. С. 497, 506]. Есть также основания утверждать, что аборигены не отличались особыми упорством и стойкостью в боях с русскими. Это проявлялось в том, что несмотря на свое численное превосходство, они в какой-то момент могли прекратить бой, давая тем самым преимущество противнику. Данный критический момент в разных сражениях определялся разными факторами или их сочетанием.

Русские, опираясь на опыт военного подчинения «иноземцев» в других районах Сибири, в столкновениях с коряками, чукчами

и эскимосами стремились взять в плен или убить предводителей, что вносило сумятицу в их ряды. В 1642 г. на р. Алазея казакам в «съемном бое» с чукчами и юкагирами удалось убить одного князца, после чего «алазеи... убегом ушли» [15. С. 191]. В 1741 г. на р. Анадырь в урочище Чикаево казаки, пригласив в свой лагерь на переговоры 12 чукотских тойонов, зарезали их, после этого открыли ружейный огонь по толпившимся на берегу чукчам, которые, потеряв вождей, растерялись, «пометались» в байдары и бросились бежать⁷. В 1768 г. в сражении под Гижигинской крепостью чукчи после гибели 10 своих «главных и лутчих людей» прекратили сопротивление и поспешно отступили⁸. Подобных примеров можно привести немало. Переломный момент наступал и тогда, когда «иноземцы» не удерживали свое боевое построение. Если русские отбивали их первый натиск или «сбивали» с изначально занятой позиции, они теряли способность к сопротивлению, видимо, потому что не умели производить перегруппировку сил и менять заранее спланированную тактику по ходу боя. Как отмечал В. Атласов по поводу камчатских «иноземцев» – коряков и ительменов, «а к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы» [22. С. 31]. Особенно часто подобные ситуации случались при обороне коряками своих укреплений-острожков. Когда нападавшие врывались в острожек, его защитники в лучшем случае переходили к пассивной обороне, укрываясь в своих жилищах-полуземлянках, или вообще бросались в бегство.

Стойкость «первобытных» воинов существенно ослаблялась психологической установкой на некую критическую цифру потерь, которые можно понести в одном сражении, даже несмотря на то, что в строю оставалось значительное число боеспособных мужчин. Более того, в открытых сражениях при межплеменных столкновениях обычной была ситуация, когда противники заканчивали бой при первых же жертвах [39. С. 72–129], «стараясь ограничиться “малой кровью”, например решив конфликт поединком одной или нескольких пар противников либо уравнением

⁶ А. К. Нефедкин отмечал, что у чукчей «военные действия не были рассчитаны на долгосрочную осаду или оборону» [27. С. 152, 188].

⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 2. Д. 3. Л. 19 – 19 об.

⁸ РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 – 24 об.

счета ранений или убийств» [29. С. 193] (см. также: [21. С. 38; 27. С. 173; 39. С. 99–100]). Аналогичная установка присутствовала и в военном менталитете народов крайнего северо-востока Азии, сыграв с ними «злую шутку», когда дело дошло до вооруженных столкновений с представителями иной военной культуры – русскими. Г. Ф. Миллер, собиравший материалы по истории русско-аборигенных отношений в данном регионе, подметил: «О них (чукчах и коряках-аляуторах. – А. З.) говорят, что у них есть следующее обыкновение, благоприятное для противника: если они в своем походе однажды пролили кровь, то уже не продолжают идти дальше, и есть мнение, что они давно разорили бы Анадырский острог и три острога на Колыме, если бы их не удерживало от этого упомянутое суеверие» (цит. по: [40. С. 98]). Военные действия, шедшие в регионе, дают массу примеров, когда чукчи (вместе с эскимосами) и коряки в силу своей большей численности и выгоды позиции, особенно при обороне острожков, казалось бы еще долго могли вести бой, однако, если события для них развивались неблагоприятно, теряли боевой задор и впадали в отчаяние. О последнем убедительно свидетельствуют как бегство с поля боя, так и особенно практика массовых убийств воинами членов своих семейств (женщин, детей, стариков), а затем и самих себя. Командир Анадырской партии Д. И. Павлуцкий по поводу чукчей отмечал: «во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают» [32. С. 30–31]. Аналогичные наблюдения в отношении коряков сделал С. П. Крашенинников: «они же, ежели неприятели нечаянно на них нападут, о обороне уже не думают, но жен своих и детей сперва, а после и самих себя убивают» [23. С. 728] см. также архивные источники⁹ и опубликованные материалы: [1. С. 234–236; 18. С. 29; 27. С. 175, 205]). Практика самоубийств и убийств родственников имела широкое распространение у народов крайнего северо-востока Азии, причем не только во время военных действий, но и в обыденной жизни, когда убивали стариков, неизлечимо больных и увечных. Это был своеобразный выход из неблагоприятных жизненных

обстоятельств, «переселение» в потусторонний мир, где согласно представлениям аборигенов жизнь продолжалась. Причем «переселиться» надо было обязательно путем насильственной смерти, только так можно было удостоиться счастливой потусторонней жизни. Умерший же естественной смертью, по убеждению коряков, чукчей и эскимосов, попадал в руки злему духу, сам становился таковым и приносил несчастье своим близким [4. С. 32, 43–44; 8. С. 135; 9. С. 246; 12; 39. С. 111].

К числу неблагоприятных обстоятельств относился и плен. В «Известии о нравах и поведении» гижигинских коряков 1766 г. сообщалось: «при котором опасном случае из сожаления под тою мнимостию, чтоб в неприятельские руки, а паче в холопство и в плен попасть и у оных будучи всякаго мучения или какого огорчения претерпеть не могли, детей своих малолетных в самое сердце закалывают ножом, чтоб оные без всякаго от той раны мучения как наискоряя возможно помереть могли»¹⁰. Т. И. Шмалев, много лет прослуживший на северо-востоке Азии, в своих «Примечаниях» о чукотско-корякских отношениях отмечал: «коряцкие женки, когда видят, что им от плену не спастись, то сперва закалывают детей своих, а потом сами колютца, а более сичинят старухи, ибо к тому случаю у них всегда малинкия ножички и заготовляют. От чего в прежние времена и российским в плен мало женского полу и малолетных доставалось, а по поражении всегда нахаживали в юртах заколотыми»¹¹ (об обычае смерти вместо плена также см.: [1. С. 234–236; 18. С. 29; 27. С. 175, 205]). Несложно догадаться, что паника и массовый суицид, являясь показателями той высокой степени отчаяния, которое овладевало чукчами, эскимосами и коряками, существенно облегчали русским достижение победы: противник вместо того, чтобы продолжать сражение, имея, как правило, даже на его заключительных этапах численный перевес, прекращал сопротивление, по крайней мере активное.

Изложенный в статье материал далеко не исчерпывает раскрытие обозначенной нами темы, она нуждается в дальнейшем исследовании. Возможно, некоторые из предло-

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 1. Д. 18. Л. 8; Ч. 2. Д. 1. Л. 108, 109 об. – 110; Д. 9. Л. 47.

¹⁰ Там же. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 1. Д. 18. Л. 8.

¹¹ Там же. Ч. 2. Д. 9. Л. 47.

женных интерпретаций являются дискуссионными. Однако в целом они позволяют констатировать, что поражения коряков, чукчей и эскимосов в столкновениях с русскими во многом предопределялись их тактикой ведения боя и военным менталитетом, соответствующим «первобытному» состоянию этих народов. В связи с этим заметим, что обращение к ментальным аспектам русско-аборигенных отношений, прежде всего к «диалогу культур» в ходе военно-политического присоединения Сибири, позволит лучше понять и объяснить феномен быстрого продвижения русских землепроходцев от Урала до Тихого океана.

Список литературы

1. *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сиб. этногр. сб. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 2. С. 99–245.
2. *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. Ч. 1: Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказы). 417 с.
3. *Богораз В. Г.* Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1934. Ч. 1: Социальная организация. 191 с.
4. *Богораз В. Г.* Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1939. Ч. 2: Религия. 126 с.
5. *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 222 с.
6. *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 401 с.
7. *Вдовин И. С.* О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 16–24.
8. *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 302 с.
9. *Вдовин И. С.* Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 217–253.
10. *Врангель Ф. П.* Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 454 с.
11. *Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
12. *Зеленин Д. К.* Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 47–78.
13. *Зуев А. С.* Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 3–38.
14. *Зуев А. С.* Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 53–82.
15. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. 330 с.
16. *Зуев А. С.* Походы Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1744–1747 гг. // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 207–230.
17. *Зуев А. С.* Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха: Материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.). СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2004. С. 60–62.
18. *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
19. *Кибер А.* Чукчи // Сиб. вестник. СПб., 1824. Ч. 2. С. 87–126.
20. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алуторцев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 468 с.
21. *Коллинз Р.* Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны // Война и геополитика: Альманах «Время мира». Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 35–59.
22. *Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. материалов.* Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935. 210 с.
23. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесе-

ний и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 841 с.

24. *Материалы* для истории Северо-восточной Сибири в XVIII веке / Сообщ. С. Шашков // ЧОИДР. М., 1864. Кн. 3: Смесь. С. 62–93.

25. *Меновщиков Г. А.* Эскимосские сказки: 3-е изд. Магадан: Кн. изд-во, 1980. 224 с.

26. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Т. 7. С. 195–212.

27. *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 352 с.

28. *Памятники* Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. XXXII. 551 с.

29. *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества: Учеб.: 3-е изд. М.: Высш. шк., 1982. 223 с.

30. *Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л.: Изд-во АН, 1954. 555 с.

31. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Географгиз, 1952. 325 с.

32. *Сгибнев А.* Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова // Морской сб. СПб., 1869. Т. 100, № 2: Неофиц. отдел. С. 1–34.

33. *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1997. 231 с.

34. *Сенявская Е. С.* Теоретические проблемы военной антропологии: историко-пси-

хологический аспект // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Рос. науч. конф. Н. Новгород: Нижегород. гум. центр, 2000. С. 10–27.

35. *Сказки* и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Наука, 1974. 646 с.

36. *Стебницкий С. Н.* Очерки по языку и фольклору коряков. СПб.: РАН. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), 1994. 294 с.

37. *Широков Ю. А.* Гравированные клыки в собрании Государственного музея революции // Зап. Чукот. краевед. музея. Магадан: Кн. изд-во, 1968. Вып. 5. С. 87–90.

38. *Шнирельман В. А.* Война и мир в традиционных обществах (по материалам западных исследований): Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН; Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1992. 64 с.

39. *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1994. Т. 1. 176 с.

40. *Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

41. *Этнографические* материалы Северо-Восточной географической экспедиции (И. И. Биллингса – Г. А. Сарычева). 1785–1795 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1978. 174 с.

Материал поступил в редколлегию 05.10.2007